

АВСТРАЛИЙСКИЙ ГОРНЫЙ ИНЖЕНЕР ЭДВАРД РИГБИ В РОССИИ МЕЖДУ ФЕВРАЛЬСКОЙ И ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИЯМИ

Австралийцы бывали в России и до революции, однако первые относительно подробные путевые заметки, написанные одним из них, приходятся на сложные и турбулентные месяцы между Февральской революцией и отречением царя Николая II от власти и переходом власти в руки большевиков. Надо сказать, что в Австралии падение самодержавия восприняли вполне благосклонно, и общественное мнение с симпатией отнеслось к демократическим переменам в России.

В апреле 1917 года на землю российского Дальнего Востока ступил опытный австралийский горный инженер Эдвард Ригби (Edward Rigby) из Мельбурна, по возрасту далеко переваливший за пятый десяток. По инициативе Временного Правительства Русско-Сибирская Инженерная Компания поставила перед ним и его коллегами задачу составить план работ по расширению горно-металлургического производства на свинцово-цинковых рудниках Тетюхе, расположенных в отрогах Сихотэ-Алиня и, кстати, действующих и поныне. Австралиец и сопровождавшие его англичане Дикен (Dickens) и Гринуэй (Greenway) – последний говорил по-русски – выполнили свою задачу и написали детальный отчет с предложениями по усовершенствованию производства, строительству морского порта на побережье в 35 км от рудников и железной дороги, соединяющей Тетюхе с побережьем. Кроме того, австралиец оставил после себя дорожный дневник. Его впечатления от погружавшейся в революционный хаос и уставшей от трех лет войны России и сегодня представляют большой исторический интерес.

Уже во время пребывания на рудниках стремительно меняющаяся политическая ситуация поставила под вопрос перспективы модернизации горного производства. С самого начала Ригби оказался под давлением нового органа власти, который он называл *Commitad* (видимо, «комитет»), по его словам, «продукт революции, избранный людьми и получивший власть для поддержания порядка в обществе.» Еще до прибытия австралийца комитет арестовал и сместил с поста управляющего рудником, еще через несколько дней – большинство местных чиновников. Однако новые власти проявили максимальное уважение к иностранцам. Ригби писал:

Чудом является та скорость, с которой в каждой маленькой деревне в самом дальнем уголке империи приняли новую власть... Для нас, само собой, этот тип власти является немного забавным, и он несомненно доставит много неприятностей отдельным личностям... Просто подумайте о том, каким простым и угнетенным средний сельский житель России был всегда и какие примитивные взгляды на общественную экономику были сформированы у него. Потом представьте себе, что он выпятил грудь, глубоко вздохнул и сказал: «Теперь я свободен и могу сказать обо всем столько же, сколько любой другой.» Комитет, который состоит из таких людей, представляет собой большую опасность для их начальства, для полицейских, для сборщиков налогов и т.п.

При этом австралиец отмечает, что все его знакомые русские, образованные и не очень, были единодушны в том, что перемены были необходимы, и восприняли как положительный знак то, что Комитет начал борьбу с пьянством, издав указ о штрафах за обладание спиртным в размере 2 000 рублей.

Однако уже на Пасху, по словам Ригби, большинство русских из низших слоев общества, включая бывших ссыльных с Сахалина, которые взяли под контроль Комитет, предались пьянству, и только присутствие иностранцев вынудило их ограничить себя в этом. Пасхальные праздники дали австралийцу и его коллегам возможность ознакомиться с не знавшим границ русским гостеприимством. Их потчевали поросятиной, индейкой, гусем, ветчиной, сырой рыбой, колбасами, пирогами, раскрашенными яйцами и т.д. Хотя алкоголь и был под запретом, в угощение входил самогон, который выглядел как слабенький кофе, сбивая этим с толку. «Я глотнул из своего стакана и не могу описать словами, насколько, бог ты мой, крепким был этот напиток,» - писал Ригби. Однако русские пили и вновь наполняли стаканы. Вообще, Ригби писал, что стал получать удовольствие от русской еды и «простых манер», хотя то, что даже женщины опрокидывали один стакан за другим стало для него небольшим шоком... Он стал предпочитать русский чай, выпивая до 15-20 стаканов в день. Надо сказать, что Ригби стал спокойно воспринимать свободные и простые манеры русских и, судя по дневнику, не уставал восторгаться русской едой, в отличие от австралийки Вайолетты Чомли (Violet Chomley), которая, проехав по России с востока на запад в 1903 году, жаловалась на «отвратительный чай, отсутствие сносного хлеба и масла и ужасные манеры русских дам за столом.» Он даже с юмором написал об изобилии вшей и клопов: «Я не чувствовал, чтобы меня кусали, и заключил, что им не нравится вкус Австралии.»

К 28 апреля работа была завершена. Перспективы строительства новой фабрики по переработке руды выглядели хорошими, но австралийца все больше беспокоили брожение среди рабочих, отсутствие дисциплины, и, хотя он и понимал, что заработки на руднике низкие, не мог согласиться с требованиями рабочих удвоить зарплату под угрозой захвата предприятия. Он писал о том, что рабочие «ленивы и невежественны», особенно по сравнению с китайцами, которые получали еще меньше, но делали всю работу. И хотя власти были вынуждены выпустить управляющего на свободу, Ригби сомневался в способности Комитета эффективно управлять рудником: «Я буду удивлен, если кто-нибудь сюда инвестирует, раз они так себя ведут...»

В итоге, иностранные специалисты отправились во Владивосток, а 4 сентября тронулись в путь по Транссибирской железной дороге. Интересно, что Ригби привел в восторг 50-мильный отрезок железной дороги в том месте, где она огибает южную оконечность озера [Байкал], где он увидел «изумительные [дорожные] выемки, длинные и короткие тоннели, многочисленные мосты, по которым проложен путь вдоль крутых горных склонов и через глубокие ущелья. Это памятник инженерам, которые его построили.»

11 мая иностранцы прибыли в Екатеринбург. Здесь их разочаровал Урал: судя по всему, низкие горы и холмы Среднего Урала не произвели впечатления на австралийца – он написал, что местность напоминает Гиппсланд (низкогорье на юго-востоке Австралии.)

Лесостепные ландшафты юга Западной Сибири не произвели впечатления на Ригби. Он отметил, что «равнинная страна с черноземами..., которая ничем не изобилует, потому что земля не обрабатывается достаточно хорошо... ленивыми и некомпетентными фермерами.»

Города, которые попадали на глаза австралийцу на пути в Петроград, показались ему «неказистыми и малопривлекательными.» Их убогость нарушалась для него только видом «мечетей» (здесь он имел в виду православные церкви, купола которых у иностранцев и сегодня часто ассоциируются с мусульманскими храмами). Пермь он описал как «столицу одной из богатейших и крупнейших провинций России, большой город с множеством «мечетей», типично русский город с немощеными улицами и повсеместно пыльный.» Земли Поволжья произвели на австралийца лучшее впечатление, чем Юг Сибири, как лучше распаханые и более эффективно используемые.

Признаки того, что страна находится в состоянии войны, австралиец наблюдал на всем пути через ее просторы. Уже в нескольких милях от Владивостока он видел составы с вагонами, ненамного лучшими, чем вагоны для скота, забитыми едущими дальше на восток солдатами и крестьянами. В Харбине и Чите было много военнопленных австрийцев и раненых русских солдат. В Новониколаевске (ныне Новосибирск) поезд, в котором ехали иностранные специалисты, был атакован бунтующими солдатами, которые отступили только тогда, когда их убедили в том, что иностранцы путешествуют согласно важному государственному заданию. Екатеринбург вообще был заполнен дезертирами. На некоторых железнодорожных станциях были специальные залы для раненых, где о них заботились сестры милосердия, тогда как в Вятке [на вокзале] всюду были толпы солдат, спавших прямо в шинелях. При этом в отсутствие мужчин большая часть тяжелого ручного труда выполнялась женщинами, в особенности, на железных дорогах: погрузка леса, угля, загрузка и разгрузка вагонов, чистка топок паровозов от шлака и золы и многое другое. Мужчины при этом руководили работой...

Австралийцу были очевидными повсеместные беспорядки, толпы, собиравшиеся на станциях вокруг агитаторов, открытые бунтарские настроения среди солдат. К западу от Урала было все больше проблем с продовольствием.

Петроград, «восхитительный город колоссального размера», показался австралийцу странным образом незатронутым войной: «по-прежнему работали железные дороги, трамваи, было электрическое освещение, улицы убирались, работали государственные департаменты.» Однако в городе было множество беженцев из Польши и других оккупированных немцами провинций, жилье было очень дорогим, хлеб выдавался по карточкам, цены были шокирующими.

В свободное время Ригби и его компаньоны гуляли по городу, и каждый день видели что-то «новое, достойное восхищения.» Здания напоминали ему о Париже, толпы – о Лондоне. Вечерами он ходил в оперу или на «водевили», туда, где несмотря на очереди за хлебом и нехватку очень многого русские все еще, казалось, были готовы сорить деньгами в поисках веселого времяпровождения. Он побывал и в «процветающем и живописном» Выборге, где не только хорошо поел за разумную цену, но и оценил российские контрасты: «Всему этому есть одно объяснение: полное отсутствие всякой организации или управления и отсутствие власти.»

Отсутствие дисциплины и политической стабильности в России – обычная тема записей Ригби. Он замечал следы недавнего восстания: выбоины от пуль на стенах, разбитые стекла, сгоревшие дома даже вдоль Невского и на Мойке и знал, что день ото дня власть переходит к Советам, что рабочие повсеместно бастуют («почти так же, как и в Австралии»), что всюду - революционные агитаторы.

Здесь стоит отметить, что австралиец попал в плен живучих мифов, касающихся и революционеров, и недавно свергнутой монархии. Он пишет, что агитатор Ленин, очень влиятельный, сформировал комитет людей, подобных ему самому, что все они – «обрусевшие немецкие евреи», захватившие дворец, построенный царем для одной из своих подруг-балерин (имеется в виду особняк [Кшесинской](#)), и живут там в роскоши, являясь лидерами партии рабочего класса. Вероятно, ведущие революционеры этого периода времени [Л.Д. Троцкий](#), [Н.И. Подвойский](#), [В.А. Антонов-Овсеенко](#) и многие другие улыбнулись бы, услышав такую характеристику. Но, надо сказать, что «старую как мир» тактику большевиков Ригби охарактеризовал довольно точно:

Они выходят на балкон и говорят: «Парни, что вам нужно? – Деньги! – Идите в банки и возьмите их. Они принадлежат народу. Вам нужны еда и одежда? Да. Тогда идите в магазины и помогите сами себе и так далее.» Само собой, они популярны среди

определенных кругов этих толп так же, как и подобные им горлопаны с берегов реки Ярра (Ригби имеет в виду левых агитаторов в промышленных районах Мельбурна).

При всем при том Ригби не выражает никакой симпатии по отношению к ушедшему в прошлое режиму, с презрением отзываясь о свергнутом царе как о «пьющем и растленном дегенерате», чего никак нельзя было сказать о Николае II, который просто не проявил себя сильным лидером в сложных личных и политических обстоятельствах той турбулентной эпохи... Австралиец повторяет слухи, которые доходили до него еще в Дальнем Востоке:

[Царский] двор был полностью коррумпирован и аморален. Открыто говорят о том, что юный царевич – сын Распутина. Царица без ума от него, и даже у его [царя] дочери от него ребенок. Более того, царица сердцем и душой делала все для германской победы...

О Временном Правительстве австралиец пишет, что оно «разрывается между убежденностью в том, что оно хочет делать правильные вещи и воевать до победного конца, и пониманием того, что не может ничего сделать без санкции Совета Рабочих и Солдатских Депутатов.»

Вполне понятно, что как отца молодого человека, который, как мы узнаем из дневника, служит в Королевском Авиационном Корпусе во Франции, его беспокоил возможный выход России из войны, и он с горечью пишет о том, что «кажется вполне вероятным, что на Россию в этой войне положиться нельзя.»

К концу мая отчет о проделанной специалистами работе был завершен, и Ригби с компаньонами начал планировать отъезд из России. 12 июня он имел беседу с одним из депутатов Государственной Думы о его возможном визите в Австралию для продвижения торговли и коммерции между двумя странами, но записи этой беседы не были найдены. 25 июня Ригби с компаньонами отправился на поезде в Финляндию, после чего отбыл на пароходе из норвежского порта Берген в Англию. Финляндия показалась ему «аккуратной и процветающей», а финны – «лучше одетыми, более просвещенными и зажиточными, чем русские.» Впрочем, про шведов он написал, что они «настолько же впереди финнов, насколько финны впереди русских.»

Подводя итоги, он написал в своем дневнике, что «любит русских людей», но в то же время признает, что «им еще многому надо учиться, просто как детям.» Далее он дает прогноз событиям в России, грустный характер которого в то время мог мало кого удивить:

Петроград – это просто действующий вулкан для любого иностранца или для русских классом повыше. Будет взрыв, в этом нет сомнений. Так, как дела обстоят сейчас, долго продолжаться не может. Не вижу впереди ничего другого, кроме анархии, волнений и гражданской войны, и улицы могут окраситься красным в любой момент. Небольшая искра может запустить все это... Сделать революцию было легко, справиться с нынешним хаосом и беспорядком – другое дело. Россия слишком велика, и ее народ столь долго был в рабском состоянии и оставался без образования и знаний волей ее автократического правительства. Теперь у русских есть свобода, но они не знают, на что ее употребить.

Дневники Ригби так никогда и не были изданы. Сегодня читать их тяжело и часто неприятно, но невозможно переписать историю и невозможно вычеркнуть из нее восприятие России, которое было характерно для многих иностранцев на протяжении столетий. Австралиец здесь совсем не исключение. Пройдет совсем немного времени, и свидетелями революционных событий в России станут многие австралийцы: бывшие военнопленные, оказавшиеся в России после побегов, участники интервенционистских сил Британской империи, вторгшихся на окраины рассыпавшейся на время империи, военных советников в рядах Белой Армии и ряда других.

https://espace.library.uq.edu.au/data/UQ_271388/UQ271388_OA.pdf?Expires=1577768278&Key-Pair-Id=APKAJKNB4MJBNC6NLQ&Signature=YNHutXfX~6QmrXwM8qptbpzPNfC0FMJX8ShubtTLhtIPQPT56QKMPSZqhhRnorJZyPdE9IF7bLeVAJID6xfNSWQZjOd9IzQU6xxPNU3c3naicfgeDwf~ctd7oKnXTyjompolGr03ZAUDTiZ3zXUuWAuqiPPJnAxLTaZKomYQqgZaYW-SQiJDkLQpDNVyPNwM4doX8Crcct4qT5ylqNIIAICUrHSb6-8iZ-Tm~N9dpScgCjPXfyGMlpuUNDzzijx11uHutTqtyf7hECei1vyWnsNgLIEwRVE5beVIGbry31KqTWhEoecsNIQh52L-e9kzw2USQbyWLOrIECuhXE28Q

Сокращенный перевод и комментарии – Владимир Крупник

Возврат к главной странице www.warsstory.org